

94121.

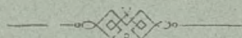
кр

НА ПАМЯТЬ

МОИМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ.

СБОРНИКЪ

словъ и рѣчей законоучителя Томской 2-й муж-
ской гимназіи, священника П. Ар. Иванова.
(1913—15 учебн. годы).

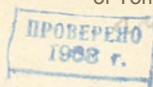
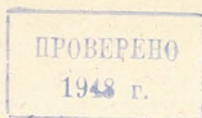

ТОМСКЪ.

Типографія Пріюта и Дома Трудолюбія.
1915.

252.

94121.

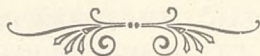
НА ПАМЯТЬ

МОИМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ.

СБОРНИКЪ

словъ и рѣчей законоучителя Томской 2-й
мужской гимназіи, священника П. А. Иванова.

(1913—15 учебн. годы).

ТОМСКЪ.

Типографія Приюта и Дома Трудолюбія.

1915.

1911.

НА ТОВАРИ

В. П. БОСНОВИЧ

СБОРНИК

(1911 г.)

ТОМСК

Печатня Т. С. У.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За минушіе два года существованія родной намъ Томской 2-й мужской гимназіи нашей школьной семьѣ пало на долю провести нѣсколько особенныхъ празднествъ и торжествъ, посвятить нѣкоторые дни чествованію великихъ людей, заслужившихъ благодарную память потомства, и, наконецъ, глубоко переживать вторую отечественную войну, всколыхнувшую не только всю Русь святую отъ мала до велика, но и всю Европу. По долгу своего учительства (II Тим. IV, 2), я спѣшилъ во всѣхъ этихъ случаяхъ отозваться своимъ скуднымъ, но сердечнымъ словомъ. Опытно зная, что рѣчь проповѣдника по разнымъ причинамъ не всегда бываетъ отчетливо воспринята слушателями, особенно при большой аудиторіи, а между тѣмъ было-бы желательно, чтобы все сказанное мною въ эти историческіе для школьной семьи дни глубже запечатлѣлось въ умахъ и сердцахъ слушателей-питомцевъ школы, я и рѣшилъ издать настоящій небольшой сборникъ своихъ словъ и рѣчей. Къ этому изданію меня побудило еще и то обстоятельство, что, одушевляясь желаніемъ—преподать учительное слово и взрослымъ, въ значительномъ числѣ являвшихся участниками нашихъ школьных торжествъ, я позволилъ себѣ нѣкоторыя изъ своихъ словъ говорить слишкомъ длинныя, допуская по

мѣстамъ цитаты періодическую рѣчь, а все это не могло не утомлять юныхъ моихъ слушателей, приводить къ временной разсѣянности и, такимъ образомъ, лишать ихъ цѣлостнаго впечатлѣнія отъ слова. Пусть-же юный и добрый читатель не постѣуетъ на опознанные мною самимъ недостатки, но въ часы разумнаго досуга прочтеть со вниманіемъ мой малый трудъ и сохранить его какъ памятку о дняхъ своей золотой юности, гимназическомъ храмѣ, завѣтахъ и просьбахъ законоучителя.

Законоучитель, *свщ.* П. Ивановъ.

Рѣчь при открытіи Томской II мужской гимназіи).

М. Г. г!

Въ сегодняшній историческій день, который въ лѣтописяхъ Томской II мужской гимназіи, несомнѣнно, займетъ первое мѣсто, да позволено будетъ мнѣ сказать нѣсколько словъ о задачахъ русской средне-образовательной школы, выразить свои благопожеланія новому разсаднику просвѣщенія и преподать юной школьной семьѣ свое пастырское назиданіе.

Кажется, нѣтъ надобности говорить о томъ, что учрежденіе въ Томскѣ новаго разсадника просвѣщенія, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ желаніямъ мѣстнаго населенія и нуждамъ здѣшняго края. Въ наше время, время матеріальной культуры и прогресса, сознаніе о необходимости просвѣщенія и его пользы стало достояніемъ не только общества, но и народа. Народъ жаждетъ просвѣщенія. Народныя аудиторіи, воскресныя школы, городскія—публичныя и сельскія-земскія библіотеки-читальни положительно переполнены ищущими знанія и свѣта. Какого-же просвѣщенія ищетъ нашъ русскій народъ? По какимъ идеаламъ онъ,—по выраженію *Θ. М. Достоевскаго*,—богоносецъ томится въ глубинѣ своей прекрас-

*) 8 сент. 1913 г.

ной души? Сродны-ли его душѣ идеалы и принципы жизни современныхъ просвѣтителѣй, литературныхъ ку-мировъ и провозвѣстниковъ новыхъ религіозно-философ-скихъ и моральныхъ ученій? Удовлетворится-ли жажда народной души изъ источника, отравленного ядомъ ре-лигіознаго индиферентизма, или насыщеннаго враждою къ христіанской культурѣ духа?

Нѣтъ, народная душа жаждетъ просвѣщенія хри-стіанскаго!

„Дайте народу сознательное христіанство, нѣкогда писалъ великій русскій педагогъ, учитель христіанинъ, Сергѣй Александровичъ Рачинскій, проведите христіан-ство въ его жизнь, сдѣлайте русскій народъ народомъ святымъ, угоднымъ Богу, и вы отвѣтите на запросы на-родной души“...¹⁾*

Если-же народъ жаждетъ просвѣщенія христіанскаго, а дѣти народа широкою волною вливаются въ средне-образовательную школу, то отсюда съ очевидною ясно-стію открывается и задача современной школы.

Послѣдняя должна дать своимъ питомцамъ, какъ будущимъ народнымъ дѣятелямъ на разнообразныхъ поприщахъ, не только сумму знаній, необходимыхъ для просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, но и насадить въ сердца ихъ щедрою рукою сѣмена вѣры и любви хри-стіанской, утвердить волю въ добромъ—христіанскомъ направленіи; словомъ, средняя школа должна въ соб-ственномъ смыслѣ „образовать человека“, сообщивъ своему питомцу положительное и цѣлостное христіан-ское міровоззрѣніе.

Такова, по нашему мнѣнію, должна быть задача современной среднеобразовательной школы.

Пожелаемъ-же отъ души, чтобы новый разсадникъ просвѣщенія успѣшно и неуклонно служилъ своей свя-той задачѣ, давая людей истиннообразованныхъ, силь-ныхъ вѣрою въ Бога, твердыхъ въ своей преданности Церкви Православной, безкорыстныхъ дѣятелей общества, неизмѣнныхъ слугъ Царя и дорогой нашей Родины.

* ¹⁾ Сельская школа стр. 284.

II.

Что скажу вамъ, дорогія дѣти? Скажу-ли о томъ чувствѣ глубокой радости, какое наполняетъ мою душу при видѣ васъ—счастливецъ, нашедшихъ мѣсто въ этой школѣ, такъ прекрасно устроенной заботами и усердіемъ вашего попечительнаго начальства? Называю васъ счастливыми потому, что тысячи, даже десятки тысячъ, вашихъ сверстниковъ на необъятномъ пространствѣ нашей Руси-матушки не видятъ не только столь благоустроенной, но и никакой школы.

Говорить-ли мнѣ о томъ, что вы, одаренные отъ Бога способностями, вступивъ въ школу, не должны зарывать своихъ талантовъ въ землю, подобно лукавому евангельскому рабу, но съ полною охотою и прилежаніемъ должны отдаться учебнымъ занятіямъ?

Говорить-ли съ вами о томъ, что ваше юное—золотое время, ваша весна, должна быть единственною порою для школьнаго обученія? Прошу: дорожите временемъ, иначе оно уйдетъ и уже болѣе не вернется никогда. Все можно вернуть; можно вернуть растраченное богатство, возстановить расшатанное здоровье, но время... время, други, вернуть нельзя, какъ нельзя ожидать чтобы рѣка вспять потекла.

Говорить-ли съ вами о тѣхъ неоцѣненныхъ качествахъ дѣтской души, за которыя такъ нѣжно любилъ дѣтей нашъ божественный учитель истины І. Христосъ? Но я глубоко увѣренъ, что вы сохраните эти жемчужины вашей души и въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ васъ окружающимъ будете кротки и незлобивы, чистосердечны и искренни. О чемъ-же, наконецъ, я побесѣдную съ вами, дѣти? Я кратко побесѣдную, други мои, о той божественной помощи, въ которой мы всѣ такъ нуждаемся всегда и будемъ нуждаться въ нашихъ предстоящихъ учебныхъ занятіяхъ.

Какъ былинка въ полѣ завянетъ, если не пригрѣтъ ее солнышко, не падетъ роса, не брызнетъ и не освѣжитъ благодѣтельный дождичекъ, такъ хилъ и слабъ

окажется безъ благодатной помощи и человѣкъ, ибо каждый изъ насъ можетъ и жить и дѣйствовать только о Господѣ. „О Немъ бо, по выраженію великаго апостола языковъ, движемся и существуемъ“.*) Вотъ почему нашъ русскій православный христіанинъ всякое (большое и малое) дѣло начинаетъ молитвою, въ которой испрашиваетъ себѣ благодатной помощи свыше.

Святѣль предваряетъ молитвою свое сѣяніе, строитель—основаніе дома, морякъ—свое плаваніе. Такъ всегда было на св. Руси, такъ всегда и быть должно. А посему и мы, готовясь приступить къ учебнымъ занятіямъ, должны предварить ихъ молитвою. Мы должны испросить у Господа-Бога Его благодатной помощи, дабы Онъ стверзъ вашъ умъ къ воспріятію „добрыхъ ученій“, возрастилъ-бы имѣющія быть брошенными въ ваши души сѣмена во сто кратъ. Да, къ Нему, дѣти, всегда будемъ прибѣгать и нынѣ прибѣгнемъ: Онъ единственный источникъ свѣта и премудрости и, если Онъ сдѣлалъ славнымъ мудростію Соломона, открылъ божественную истину младенцамъ, просвѣтилъ галилейскихъ рыбаей, содѣлавъ ихъ ловцами человѣковъ, побѣдившими своимъ ученіемъ весь древній ученый міръ, то Онъ силенъ просвѣтитъ, умудритъ и васъ въ предстоящихъ учебныхъ трудахъ.

Обратимся-же всею нашею новою семьею къ Господу Богу и „единими усты и единымъ сердцемъ“ будемъ просить Его, да ниспошлетъ Онъ—милосердный свое благословеніе на нашу школу, да явится намъ всегдашнимъ помощникомъ на нелегкомъ учебномъ поприщѣ нашемъ.

*) Дѣян. XVII, 28.

**Рѣчь на молебнѣ въ день празднованія 1600 лѣтія
со времени изданія импер. Константиномъ Великимъ
эдикта 313 года.**

313-й годъ по Рождествѣ Христовѣ—вотъ та знаменательная дата для всего христіанскаго міра, которая и насъ нынѣ привела сюда для молитвеннаго общенія. Чтобы понять и оцѣнить значеніе этой даты, намъ необходимо мысленно перенестись въ то отдаленное отъ насъ, 16 вѣками, время, когда христіанство, такъ сказать, на зарѣ своихъ дней вынуждено было силою внѣшнихъ обстоятельствъ выйти на скорбный и тернистый путь, когда оно, прежде чѣмъ стать міровою религіею, должно было въ теченіе почти трехъ столѣтій, въ лицѣ своихъ послѣдователей, претерпѣть и поношенія, и гоненія, и мученія, какъ со стороны іудеевъ—первыхъ враговъ Христа, такъ и со стороны язычниковъ римлянъ, управлявшихъ въ то время судьбами всѣхъ народовъ.

Въ 36 году по Р. Хр. впервые земля оросилась христіанскою мученическою кровію св. архидіакона Стефана, павшаго жертвою фанатизма ревнителей іудейства. Съ этой поры и включительно до времени разрушенія Іерусалима въ 70 году римскимъ императоромъ Веспасіаномъ іудеи послѣдовательно и непрерывно гонятъ христіанъ и въ то же время устраиваютъ на нихъ доносы Римскому правительству, какъ на людей вредныхъ для общественнаго блага. И неудивительно, если, подъ вліяніемъ наговоровъ на христіанъ со стороны іудеевъ и подъ воздѣйствіемъ языческихъ жрецовъ, обвинявшихъ христіанъ въ безбожій (ибо христіане на

*) 14 сент. 1913.

первыхъ порахъ не имѣли, да и не могли имѣть, открыто ни иконъ, ни храмовъ), начиная съ 54 года, воздвигаются гоненія на христіанъ и со стороны римскихъ язычествующихъ императоровъ. Имена властныхъ и избалованныхъ судьбою деспотовъ—Нерона, перваго жестокаго гонителя христіанъ, Домиціана, Траяна, Марка, Аврелія, Декія, Траяна и послѣдняго изъ всѣхъ мучителя—Диоклитіана—всегда будутъ отмѣчены въ исторіи христіанской церкви, какъ имена антихристовъ, враговъ Христа, желавшихъ и тщетно надѣявшихся кровавою рѣзней истребить христіанство и возстановить отжившее и разлагавшееся язычество.

Мы не можемъ представить себѣ мученія христіанъ, перечислить орудія пытокъ, какія придумывали гонители, чтобы истребить носителей вѣры и исповѣдниковъ Христа. Здѣсь человѣческое слово окажется безсильнымъ въ устахъ и самаго даровитаго художника слова. „Если-бы у меня была сотня устъ и желѣзный языкъ, говорить, словами римскаго поэта Виргилія, христіанскій писатель и современникъ гонителя Диоклитіана—Лактанцій, то и тогда я не могъ-бы исчислить всѣ роды золь, не могъ-бы поименовать всѣ наказанія, которымъ подвергались исповѣдники Христова имени“. ¹⁾

Христіанъ одѣвали въ шкуры звѣрей и травили собаками, распинали на крестахъ, обливали горячими веществами и сжигали по ночамъ вмѣсто факеловъ для освѣщенія садовъ... Что же оставалось дѣлать исповѣдникамъ Христова имени, какъ не искать себѣ убѣжища? И они, дѣйствительно, или, можетъ быть, безъ куска насущнаго хлѣба, въ лѣса и горныя ущелья, или устраивали себѣ въ окрестностяхъ Рима подземные коридоры, куда, собравъ въ ночное время останки тѣлъ мучениковъ-братьевъ, сносили ихъ для погребенія. Только здѣсь, въ катакомбахъ, христіане могли считать себя въ безопасности, ибо мѣста погребенія по Римскому праву почитались мѣстами священными и неприкосно-

¹⁾ А. Д. Поповъ. „Св. Равноап. царь. Конст. Вел“. ПТР. 1913 г. стр. 17.

венными. Скоро эти мѣста погребенія сдѣлалась для христіанъ и мѣстомъ собраній для общественной молитвы. Въ этомъ подземномъ Римѣ, городѣ мертвыхъ, гонимые христіане воспѣвали свои гимны Христу, прославляли подвиги мучениковъ за вѣру и у ихъ гробницъ почерпали силу и мужество для воспріятія и своихъ грядущихъ мученическихъ вѣнцовъ. Сколь великъ былъ подземный Римъ, говоритъ уже тотъ фактъ, что ученый Россѣ, посвятившій всю свою жизнь на изученіе этихъ памятниковъ священной христіанской древности, открылъ до 10 тысячъ только однихъ надгробныхъ надписей, краснорѣчиво повѣствующихъ намъ о томъ „чѣмъ были живы первенствующие христіане, наши братья по вѣрѣ“. Они жили вѣрою, что не изсякнетъ у Бога всякъ глаголъ, по которому церковь не одолѣютъ и всѣ силы ада; они были живы вѣрою, что земная ихъ жизнь есть жизнь временная, за которой наступитъ новая, блаженная жизнь въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ. Воодушевленные этою вѣрою, христіане безбоязненно шли на всѣ роды мученія, удобряя своею кровію почву, на которой должно было, наконецъ, возрасти, какъ изъ малаго горушнаго сѣмени, благосѣнолиственное дерево христіанства, покрывшее нынѣ всѣ концы земного шара. Начало же для безпрепятственнаго роста этого дерева было положено 1600 лѣтъ тому назадъ первымъ изъ римскихъ императоровъ христіаниномъ Константиномъ Великимъ, издавшимъ въ 313 году указъ, по которому христіанство должно было явиться религіей господствующею, религіею государственною, прочія-же религіи, имѣвшія для себя въ то время мѣсто въ Римской Имперіи по этому указу признавались только терпимыми.

„Объявляемъ, говоритъ Константинъ въ своемъ эдиктѣ, слѣдующее наше рѣшеніе: пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать христіанское богочтеніе, но каждому отдается на волю обращаться сердцемъ къ той религіи, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ. Мы признали нужнымъ отмѣнить касательно христіанъ все, что предста-

вляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію. Отнынѣ каждый, рѣшающійся соблюдать христіанское богопочтеніе, пусть соблюдаетъ его „свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія“. Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право отправлять свое богопочтеніе“... ¹⁾

Уже изъ этихъ немногихъ строкъ эдикта для насъ становится очевиднымъ и его значеніе.

Если христіане до изданія эдикта, силою вещей, должны были отказывать себѣ въ естественномъ для человѣка стремленіи къ обнаруженію своихъ религіозныхъ переживаній, чтобы не пойти на крестъ или на растерзаніе звѣрей, то теперь для нихъ наступило время, когда они свободно могли воздвигать храмы, курить оуміамъ своему Спасителю-Богу, открыто возвѣщать всѣмъ, жаждущимъ Единой божественной истины. Но эдиктъ 313 года—это первая вѣсть христіанамъ со стороны гражданско-правительственной власти о ихъ правѣ на жизнь и религіозныя убѣжденія; за этимъ эдиктомъ идетъ цѣлый рядъ другихъ эдиктовъ Константина В., снимающихъ всѣ путы съ христіанства, столь долгое время препятствовавшія ему расти къ благополучію и спасенію человѣчества.

Теперь христіанство получило необходимую свободу, чтобы претворить поклонниковъ язычества въ служителей Христа, чтобы преобразовать всѣ гражданскія, военныя, высшія общественныя и государственныя учрежденія, чтобы постепенно насаждать на землѣ царство Божіе.

Словомъ, означеннымъ эдиктомъ и послѣдующими за нимъ христіанству даровано то, чтобы на развалинахъ язычества, развѣдавшего человѣчество, утвердилось христіанство, возвеличилась церковь, восторжествовала Крестъ Христовъ надъ пантеономъ древняго языческаго міра. И съ этого побѣднаго дня христіанства надъ язы-

¹⁾ Поповъ, стр., тамъ-же 32-я.

чествомъ Божественная истина свободно возвѣщается и открыто исповѣдуются во всѣхъ странахъ свѣта. „Проповѣдь евангелія, скажемъ словами проф. Н. П. Рождественскаго, возвѣщена всѣмъ живущимъ на землѣ, каждой націи, каждому племени, языку и народу. Книга-книгъ христіанства—евангеліе переведено на 150 нарѣчій; какая другая книга съ самаго сотворенія міра была читаема когда-либо или даже извѣстна, хотя-бы и въ пятой части этого пространства?“ ¹⁾ Такъ широко разлилась проповѣдь евангелія, такъ могуче раскинулось древо христіанства, росту котораго открылъ путь, по волѣ Виновника и Первопричины всего, Константинъ Великій.

Храня и соблюдая ученіе Церкви, по которому св. небожители являются нашими ходатаями и защитниками предъ престоломъ Царя Небеснаго, обратимся, дорогіе питомцы, съ мольбою къ св. Равноапостольному Царю Константину, да явится онъ и нашимъ помощникомъ и защитникомъ въ борьбѣ съ врагами Церкви и противниками нашей религіозной вѣры.

¹⁾ Христіанская апологетика. ПТР. 1884 г., стр. 412.

Слово въ день освященія гимназической церкви. *)

Христось Воскресе!

Сегодня, когда совершается въ обновленномъ храмѣ, первая Божественная литургія, я считаю своимъ пастырскимъ долгомъ сказать не витіеватое и безъ риторическихъ прикрасъ, но простое сердечное и посильное слово о воспитательномъ значеніи христіанскаго храма и храмового богослуженія.

Но прежде я обращаюсь къ тебѣ, возлюбленная школьная семья, съ приглашеніемъ—воздать славу Богу за то, что мы присутствуемъ за божественною литургіею въ своемъ гимназическомъ храмѣ, а вѣдь „аще не Господь созиждеть домъ, всеу трудишася зиждущіи“. И такъ „благословите Господа вси раби Господни, стоящіе во храмѣ Господнемъ“... (пс. 133).

Да, други, мы рабы Господни и мы—дѣти Отца Небеснаго. Но не свойственно-ли рабу стремленіе—встать ближе къ своему господину, доброму чаду—къ своему любящему отцу? Не свойственно-ли и нашей душѣ, если въ ней не подавлены высшія, благороднѣйшія движенія, инстинктивно обращаться къ Богу, какъ обращается игла къ магниту, какъ цвѣтокъ къ солнцу, какъ жаждущій олень стремится на источники водные? Не замѣчали-ли вы, какъ часто томится наша душа, ищетъ какого-то особеннаго покоя, но ни въ чемъ не находитъ его, и не найдетъ, если чрезъ нравственное самоусовершенствованіе не приблизится къ своему первообразу—Богу.

Богъ все для человѣка, Онъ альфа и омега, Онъ „путь, истина и жизнь“. (Іоан. XIV, 6).

Итакъ, мы рабы Господни по природѣ духа, дѣти

*) 12 апр. 1914 г.

Отца Небеснаго по Его неизреченной благодати, но мы и рабы земли; конечно, не потому, что подчинены законамъ физическаго существованія, но потому, что чаще, вмѣсто „господства надъ землею“ (Быт. 1.28), мы даемъ возобладать земнымъ интересамъ надъ святыми порывами нашей богоподобной души и возобладать иногда настолько, чтобы совершенно забыть Того, Кто о себѣ сказалъ: „Азъ есмь путь, истина и жизнь“, а вмѣстѣ съ этимъ забвеніемъ наполнить свою жизнь тяжелыми переживаніями, исполненными подлиннаго трагизма.

Истинный путь одинъ. И человѣкъ какой бы профессиональный путь въ земномъ своемъ существованіи не избралъ, долженъ согласовать его съ законами Того, Кто есть истинный путь, но, къ сожалѣнію, каждый изъ насъ, какъ рабъ земли, создаетъ свои пути, ведущія къ желанной имъ и, якобы, къ конечной цѣли, но въ дѣйствительности искатель находитъ чаще горькій опытъ, да разочарованіе, ибо путь только одинъ, и всѣ земные цѣли должны сосредоточиваться въ немъ, какъ лучи въ фокусѣ, въ единой абсолютной цѣли—Богѣ.

Одна истина—Богъ. Всѣ другія истины, въ частности истины научныя, открываемыя безкорыстными труженниками науки, достойными благодарной памяти потомства, должны служить не земнымъ интересамъ только, но быть и свѣтомъ, освѣщающимъ человѣческому сознанию единую высочайшую истину—Бога.

Но если есть свѣтъ, существуетъ и тьма; если есть свѣточи науки, то есть представители мнимой науки. Послѣдніе подъ флагомъ научныхъ открытій, своими гипотезами и смѣлыми, подчасъ лишенными всякой логики, выводами пытаются, и пытаются дерзко, похоронить Истину Высочайшую. Пусть не въ силахъ этихъ ученыхъ достигнуть желанной цѣли,—но затмить сознание людей, непривыкшихъ къ критическому мышленію, для нихъ часто бываетъ возможно.

Вслѣдъ за мнимыми жрецами науки, выступаютъ ряды строителей матеріально-культурной жизни. Пользуясь добытыми наукою практическими истинами, они убѣждены, и другихъ увѣряютъ, что не далекъ тотъ земной рай, гдѣ царятъ свобода и братство, часовой трудъ и суточный покой при полномъ пользованіи всѣми дарами природы и культуры. Гдѣ плоды этихъ ученій? Затемнено въ сознаніи людей понятіе о истинной жизни, а безъ этого понятія имѣется въ наличности то, что въ нашъ вѣкъ, вѣкъ культуры и прогресса, не престаи слышаться: ни плачъ голоднаго, ни стонъ обиженнаго, ни проклятія жизни разочарованнаго. И это отъ того, что жизнь человѣческая разсматривается большинствомъ только съ точки зрѣнія животнаго „я“, а не съ точки зрѣнія истинной жизни, которая есть въ Богѣ. Богъ—„путь, истина и жизнь“.

Какой же выводъ изъ всего сказаннаго, спросите вы, благочестивые слушатели? Не о значеніи ли христіанскаго храма хотѣлъ говорить проповѣдникъ?

А выводъ тотъ, что мы, будучи рабами Господними, должны быть таковыми и въ строеніи личной, общественной и государственной жизни, а не быть только рабами земли.

Быть рабами Господними и избѣжать рабства земному, мы можемъ въ томъ случаѣ, если познаемъ Того, Кто есть „путь, истина и жизнь“, и въ этомъ познаніи потщимся воспитать себя „въ мужа совершенна въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Еф. IV, 13); достигъ же этого самовоспитанія мы можемъ прежде всего и болѣе всего въ храмѣ и при посредствѣ храма.

И на самомъ дѣлѣ! Что такое храмъ, какъ не земное небо? Здѣсь, именно, въ храмѣ, мы плотянные, оземлянившіеся, рабы своихъ слабостей, мелкихъ интересовъ, слуги своихъ безумныхъ страстей и привычекъ, дѣлаемся лучше, отрѣшаемся (пусть даже на мигъ), но отрѣшаемся отъ житейскихъ компромиссовъ и исполняемъ святого желанія слѣться въ сладкозвучныхъ молитвахъ и славословіяхъ своего Творца и Спасителя,

какъ славятъ Его небожители, лики которыхъ мы здѣсь созерцаемъ.

Что такое храмъ, какъ не училище вѣры и благочестія? Здѣсь въ произведеніяхъ высокаго поэтическаго творчества св. мужей мы слышимъ призывъ къ добродѣланію, видимъ примѣры вѣры и христіанской жизни. Здѣсь раздается непрестанно Божественное слово, способное удовлетворить и „отъ единого слышанія“ запросы и гордаго искателя истины и вразумить поклонника земныхъ удовольствій. „Слово Божіе и живо и дѣйственно“, говоритъ великій ап. языковъ (Евр. IV, 12). Да, оно дѣйственно въ высшей степени! Оно покоряло сердца ученыхъ — Діонисія Ареопагита, блаженнаго Августина; оно увлекало сердца народной массы (Дѣян. II, 41).

Что такое храмъ,—какъ не лечебница, гдѣ нравственно больнымъ слышится въ евангельскомъ чтеніи кроткій голосъ, любвеобильнаго Господа, призывающаго всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“ прійти къ Нему, какъ источнику всякаго утѣшенія.

Подлинно, храмъ—это земное небо, это училище вѣры и благочестія, это духовная лечебница, это сокровищница, гдѣ найдетъ каждый всѣ средства для того, чтобы въ гармоніи силъ воспитать свою душу чрезъ познаніе Того, Кто есть „путь, истина и жизнь“, усовершенствовать себя, какъ подобаетъ рабу Господню, и быть мужемъ совершеннымъ „въ мѣру возраста исполненія Христова“.

Но популярныя, а вѣрнѣе желающіе быть популярными, сыны вѣка сего говорятъ, и вы, навѣрно, слышали: зачѣмъ эти храмы, зачѣмъ эта напрасная трата народныхъ денегъ? Нужны-ли Богу эти зданія, блескъ золота, игра драгоценныхъ камней? Другое дѣло, говорятъ они, открыть на эти средства просвѣтительное учрежденіе, или построить воздушный флотъ, или оказать помощь неимущимъ.

Правда, просвѣтительныя учрежденія необходимы и воздушный флотъ нуженъ, а помогать нуждающимся

вмѣняется намъ въ нравственный долгъ законами божескимъ и государственнымъ.

Правда и то, что всѣ земныя вещи хороши, поскольکو они отвѣчаютъ своему назначенію и служатъ нашимъ земнымъ потребностямъ, но цѣнность всѣхъ вещей увеличивается безконечно, если тѣ земные наши интересы, которые обслуживаются этими вещами, регулируются запросами высшаго порядка, а воспитать, поддержать и укрѣпить эти запросы возможно болѣе всего при посредствѣ храма и совершаемаго въ немъ богослуженія; при посредствѣ таинствъ и—слышанья Слова Божія.

Итакъ, просвѣтительныя учрежденія, коль скоро они отвѣчаютъ естественной потребности человѣка—стремиться къ знанію, необходимы и весьма цѣнны; своя цѣнность и флоту воздушному, коль скоро онъ можетъ служить интересамъ государственной обороны, но храму свое назначеніе и своя высшая цѣнность. Онъ служитъ *намъ*, воспитывая въ насъ человѣка, христіанина и гражданина. Богу не нужно обиталище и въ чемъ либо нашемъ земномъ Онъ не нуждается, ибо Богъ, по ученію Свящ Писанія, „не отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ, Самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе, и вся (Дѣян. 17, 25).

Для Бога вся вселенная есть храмъ, гдѣ, по выраженію псалмопѣвца, Его хвалить не только всякое дыханіе (пс. 150, 6) и тварь, не только предметы одушевленные, но и неорганическая природа и ея силы: огонь, горы и холмы, деревья плодоносныя и всѣ кедры (псал. 148); храмъ, повторяю, имѣетъ значеніе для самого человѣка и, соотвѣтственно своему назначенію, имѣетъ высшую цѣнность. Если-же христіанскій храмъ имѣетъ столь важное значеніе вообще, то значеніе его при просвѣтительномъ учрежденіи, какъ питомникъ будущихъ строителей церковной, общественной и государственной жизни, увеличивается еще болѣе. Старая и всѣмъ извѣстная *Гератовская* истина (обученіе и воспитаніе нераз-

дѣльны всего успѣшнѣе можетъ быть осуществлена при посредствѣ храма. Но мы знаемъ и то, что въ обществѣ царить религіозный индифферентизмъ, болѣе и болѣе распространяется модное доктринерство, по которому храмъ при средней школѣ, да еще съ обязательнымъ посѣщеніемъ совершаемаго въ немъ богослуженія, есть дѣло совершенно излишнее.

Зачѣмъ отнимать у дѣтей праздничный отдыхъ? Зачѣмъ утомлять и безъ того утомленный казенной и сухой учебой дѣтскій организмъ продолжительнымъ стояніемъ въ церкви? Церковное богослуженіе, говорятъ далѣе, для дѣтей непонятно, а вынужденная молитва есть лицемѣріе. Много и очень много можно выслушать подобныхъ шедевровъ доктринерства и фанатизма современныхъ фразеровъ.

Но странное дѣло! Когда родитель, желая привить своему ребенку добрые навыки, прежде чѣмъ еще ребенокъ самъ будетъ въ состояніи оцѣнить внушаемое ему добро, весьма часто не ограничивается разъясненіями, просьбами и совѣтами, но, сообразуясь съ отличительными чертами характера своего ребенка, отдаетъ подчасъ приказаніе: „это сдѣлать, а отъ того воздержаться,“ а въ случаѣ неисполненія—предпринимаетъ ту или иную мѣру моральнаго воздѣйствія на волю ребенка. Согласитесь, что въ данномъ случаѣ есть принужденіе и принужденіе святое, такъ какъ оно имѣетъ своею задачею—сообщить ребенку нѣчто доброе, которое живетъ и въ самой его природѣ.

И мать принуждаетъ свое капризное дитя, если оно въ холодную погоду вздумало-бы пойти на воздухъ въ легкой одеждѣ, и... всякій воспитатель не считается съ нежеланіемъ ребенка учиться, но вынуждаетъ его работать и учиться.

Оказывается, что въ дѣлѣ воспитанія вообще принципъ принужденія допускается, но въ воспитаніи религіозномъ ему будто-бы и мѣста нѣтъ.

Глубокое заблужденіе и въ томъ, что молитву принято разсматривать только какъ вдохновеніе, не зная

того, что вдохновенная молитва *есть даръ*, однако и она не исключаетъ собою молитву,—какъ святое принужденіе и приневоливаніе себя къ добру. Молитва—это духовный трудъ, а къ труду мы часто вѣдь себя приневоливаемъ, прекрасно сознавая, что безъ труда недосяжимо никакое добро. Если бы мы всегда стали руководствоваться „*только*“ своими настроеніями и капризами, то *что* стало-бы съ наукою, искусствомъ, нравственностью, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ выраженіе высшихъ сторонъ нашего духа? Равно и здѣсь. Если мы отдадимся во власть капризовъ и себялюбивыхъ настроеній и будемъ ждать вдохновенной молитвы, то, повѣрьте, мы едва-ли когда испытаемъ ея силу и сладость, ибо она приходитъ какъ даръ, или наступаетъ, какъ слѣдствіе трудной молитвы.

Но принуждать себя къ молитвѣ—это не значитъ молиться *лицемѣрно*. Молитва *лицемѣрная* та, когда человѣкъ охотно молится для вида предъ другими, молится изъ-за себялюбія или тщеславія, а молитва, разсматриваемая нами, какъ святое принужденіе, есть актъ искренняго, добраго усилія душевныхъ своихъ способностей, сосредоточиванія ихъ на святомъ; и если такая молитва можетъ быть названа *лицемѣрною*, то развѣ только по недоразумѣнію. По недоразумѣнію говорятъ также и то, что общественная молитва непонятна дѣтямъ, что не слѣдуетъ посему отнимать у дѣтей праздничный отдыхъ. Пусть такъ: богослуженіе во многомъ непонятно дѣтямъ, но зачѣмъ тогда упускается изъ виду высоко художественная, воспитывающая, сторона храмовой молитвы?

Нерѣдко можно встрѣтить свѣтскихъ писателей, которые для аргументаціи своихъ сужденій обращаются къ Слову Божію, а поэтому и миѣ да позволено будетъ, чтобы не показаться предъ вами, благоч. слушатели, въ своихъ сужденіяхъ о воспитательномъ значеніи храмового богослуженія *одинокимъ и субъективнымъ*,

обратиться къ свидѣтельству внѣшнихъ. Такъ, нашъ отечественный школьный подвижникъ и глубокий знатокъ дѣтской души и цѣнитель искусства С. А. Рачинскій признавалъ за храмовымъ богослуженіемъ великое воспитательное значеніе, а самый кругъ богослуженія считалъ „сокровищемъ поэзіи“. (Сельская школа, стр. 216).

На самомъ дѣлѣ, „какъ богато, разнообразно настроеніе церковныхъ службъ; то настроеніе, которое создается и выражается сочетаніемъ искусно подобранныхъ внѣшнихъ элементовъ, аксессуаровъ культа. Предъ вами то черныя ризы и рыдающіе аккорды похороннаго обряда, то свѣтлые тоны воскресной литургіи, то печальныя краски великопостной службы и трагически мрачный колоритъ страстной недѣли, то вербная ночь, то четверговые огни и выносъ плащаницы, а то очаровательное контрастное ликующее пасхальное утро съ непрестанными возгласами: „Христосъ Воскресе!“, съ немолкающимъ колокольнымъ звономъ; *это по истинѣ свѣтозарное, свѣтоносное полночное утро*; предъ вами цѣлая сложная гамма разнородныхъ эстетическихъ воспріятій, даваемыхъ богослужебнымъ кругомъ“. (Вѣст. Вѣсп. 1912 г., стр. 35).

Поэтому, если богослуженіе сложно по своему составу и отчасти таинственно по своему содержанію, то оно настолько высоко-художественно, настолько своеобразно по духовной красогѣ, что не можетъ не возбуждать живого религіознаго чувства, а иногда заставляетъ удержать на себѣ вниманіе съ самаго дѣтства и на всю жизнь. Богатство эстетически-идеальныхъ переживаній, воспринятое въ дѣтствѣ для позднѣйшихъ возрастовъ жизни дастъ запасъ самыхъ свѣтлыхъ, облагораживающихъ воспоминаній, часто возрождающихъ человѣка и заставляющихъ его благословлять золотую пору своего дѣтства. Если-же это все такъ, то можно-ли говорить объ утомленіи учащихся за часовое стояніе за богослуженіемъ, можно-ли указывать на непонятность богослуженія? Нѣтъ! *Оставьте дѣтей и не препят-*

ствуйте имъ приходить къ Тому, Кто есть „путь, истина и жизнь“.

И школа въ лицѣ своихъ честныхъ труженниковъ и людей долга, не раболѣпствуя предъ моднымъ доктринерствомъ, пусть исполняетъ свою святую обязанность и при посредствѣ храма воспитываетъ рабовъ Господнихъ, а не рабовъ земли, просвѣщаетъ не умъ питомцевъ только, а воспитываетъ всего человѣка „въ мужа совершенна“.

Однако, я кажется утомилъ вниманіе своихъ слушателей, а потому къ тебѣ, юная школьная семья, въ своемъ обращеніи скажу немного.

Я попрошу тебя любить храмъ свой, чаще, возможно чаще, приходить въ него для нашей общей молитвы.

Великіе святители св. Василій Вел., Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, въ честь которыхъ посвящается нашъ храмъ, да будутъ тебѣ примѣромъ. А для нихъ въ періодъ дѣтства и юности школа и храмъ, молитва и наука замѣняли всѣ мірскія удовольствія, а исполненная любви къ ближнему дѣятельность въ послѣдующій періодъ ихъ жизни стяжала имъ ореолъ святости и почитанія на землѣ и блаженную жизнь съ Богомъ на небесахъ. Посѣщая храмъ, не забывай въ своихъ молитвахъ и тѣхъ, жертвою, усердіемъ и заботами которыхъ благоустроенъ сей храмъ. Твоя молитва будетъ пріятнымъ отвѣтомъ на завѣтъ и примѣръ самого Господа, Который не отказалъ въ просьбѣ благодарныхъ капернаумскихъ старѣйшинъ и исцѣлилъ слугу римскаго сотника, построившаго имъ молитвенный домъ (Лук. VII, 4—5), а чрезъ то показалъ, что одобряетъ и самое чувство признательности къ храмосздателямъ и его благоуукрашителямъ. И такъ посѣщая храмъ, юная школьная семья, вознось всею душею къ Богу, какъ подобаешь рабамъ Господнимъ; посѣщая храмъ „вся семья“ и внутреннимъ опытомъ познавай, кто есть

„путь, истина и жизнь“. „Благословите Господа вси рабы Господни, стоящіе во храмъ Господнемъ“.

Благословите благодарно Бога, нашего Творца и Спасителя, ради насъ человѣкъ пострадавшаго, умершаго и воскресшаго, Ему же честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Рѣчь предъ началомъ ученія о трудѣ и трудолюбіи *).

Наступила и наша учебная, трудовая пора; для многихъ изъ васъ, юные друзья, эта пора, можетъ быть, даже желанная, ибо человѣкъ не можетъ, да и не долженъ, оставаться долгое время безъ труда. Отдыхъ, необходимый для возстановленія затраченныхъ въ трудѣ силъ, снова долженъ смѣняться трудомъ, подобно тому какъ ночь смѣняется днемъ, ночная тьма уступаетъ свое мѣсто дневному свѣту. Вашъ отдыхъ миновалъ, и вы пришли сюда бодрые, полные силъ и желанія начать съ любовію свои учебные труды.

Чтобы болѣе утвердить въ сознаніи однихъ изъ васъ мысль о необходимости труда и любви къ нему, въ сознаніи-же другихъ вселить эту мысль и побудить полюбить славный и честный трудъ, я нахожу вполне благовременнымъ, пользуясь нашимъ первымъ молитвеннымъ собраніемъ, побесѣдовать съ вами, дорогіе питомцы, о трудѣ и трудолюбіи.

Вы знаете что такое трудъ? Трудъ это—усиленная, разумная, согрѣтая любовію, дѣятельность человѣка, направленная къ достиженію личнаго блага и счастья и блага общаго. Выяснять, стало быть, понятіе труда нѣтъ надобности, но есть и всегда будетъ нужда въ томъ, чтобы выяснять и утверждать въ сознаніи людей мысль о необходимости труда для разумной, счастливой жизни человѣка. На самомъ дѣлѣ, нельзя-ли счастливо прожить безъ труда? Не пріятнѣе-ли перспективъ ничегонедѣланія перспективы труда въ потѣ лица? Нѣтъ и нѣтъ, други! Трудъ—это норма, это законъ для жизни человѣка, дан-

*) 3 сент. 1914 г.

ный послѣднему его Творцемъ—Богомъ. Бытописатель Моисей на первыхъ страницахъ Библіи, заканчивая свое повѣствованіе о сотвореніи человѣка, говоритъ: „И введе его (Богъ) въ рай сладости, дѣлати его и хранить“. (Быт. II, 15).

Такимъ образомъ, трудъ явился еще въ колыбели человѣка и явился не какъ внѣшняя обязанность, а какъ именно внутренній законъ, вложенный въ самую духовно-тѣлесную природу человѣка. Если-же всякое уклоненіе отъ закона, закона человѣческаго даже, влечетъ за собою соотвѣтствующее наказаніе, то тѣмъ болѣе уклоненіе отъ закона Творца неминуемо сопровождается печальными для человѣка послѣдствіями. Такъ, если правильный трудъ даетъ здоровье тѣлу, укрѣпляетъ физическія силы, служитъ раскрытію и усовершенію духовныхъ силъ и способностей, неся съ собою человѣку нравственное удовлетвореніе, то, наоборотъ, бездѣятельность, лѣность являются причиною дряблости и хилости въ состояніи физическаго здоровья, въ тоже время заглушая въ душѣ человѣка естественные ея порывы къ истинѣ, добру и красотѣ и поселяя, на мѣсто благородныхъ чувствъ и счастливыхъ переживаній, лишь чувства: пустоты, апатіи, скуки, неудовлетворенности жизнію. Да! Безъ труда нѣтъ и не можетъ быть полной разумной и счастливой жизни. Безъ труда человѣкъ—живой трупъ, подобіе человѣка, а не разумное, богоподобное существо, вызванное къ бытію для пользованія сладостію бытія чрезъ раскрытіе своихъ богоподобныхъ силъ и способностей путемъ неустаннаго труда въ земномъ царствѣ Божіемъ.

Трудъ, стало быть,—душа жизни человѣка, его жизненный нервъ, одна изъ основъ человѣческаго счастья. Намъ будетъ теперь понятно то жалкое состояніе несчастныхъ заключенныхъ въ темницы, какое они переживаютъ, будучи лишенными всякихъ занятій. И мнѣ приходилось читать воспоминаніе одного такого несчастнаго, отбывшаго одиночное заключеніе въ тюрьмѣ; воспоминаніе, скажу вамъ, полное трагизма. По его словамъ, онъ

въ теченіе многихъ лѣтъ, испытывая потребность въ трудѣ, ходилъ по своей камерѣ каждодневно опредѣленное время въ одномъ направленіи, затѣмъ принималъ другое направленіе и, наконецъ, садился, отдаваясь воспоминанію прошлыхъ служебныхъ занятій, а тамъ опять ходилъ, какъ-бы возвращаясь домой...

Уже этотъ фактъ не убѣждаетъ-ли насъ въ томъ, что не только самый трудъ, а одно воспоминаніе о трудѣ, трудъ прошломъ, сильно бываетъ дать хотя нѣкоторую жизнь человѣку.

А жизнь общественная, государственная, жизнь общечеловѣческая развѣ мыслима безъ труда? Всякая жизнь строится трудомъ и зиждется на трудѣ. Трудъ это Архимедовъ рычагъ, который движетъ человѣчество по пути культуры и прогресса, это—ключъ, который открываетъ человѣческій геній, это родникъ, утоляющій жажду всѣхъ запросовъ человѣка.

Съ этой точки зрѣнія всякій трудъ цѣненъ и необходимъ. Ученый и пахарь, воинъ и чиновникъ, мастеровой и купецъ, учитель и врачъ, словомъ, люди всѣхъ званій, сословій и профессій несутъ опредѣленный трудъ для личной общественной, государственной пользы, а вмѣстѣ съ нимъ несутъ и крупныя добра въ общечеловѣческую сокровищницу. Отсюда—бѣгающіе труда это язвы на здоровомъ социальномъ организмѣ, которыя подлежатъ немедленному врачеванію съ принятіемъ профилактическихъ мѣръ, дабы онѣ не могли расширить свои микробныя грани и на здоровыя ткани организма.

Итакъ, трудъ—законъ для человѣка, норма для разумной и истинно-христіанской жизни. Честный трудъ сладокъ, необходимъ и плодотворенъ. Нарушители закона—враги своего личнаго счастья и не только бесполезны, но вредны, какъ члены общества и государства.

Поэтому девизомъ для каждого человѣка должно быть: трудись разумно и съ пользою на общее благо, а въ общемъ благъ найдешь и личное счастье; трудись

съ любовію, да будетъ трудъ твой болѣе успѣшнымъ и плодотворнымъ.

Однако, возможно, что для человѣка; склоннаго болѣе къ бездѣятельности, чѣмъ къ труду, и сказаннаго мало?

Въ такомъ случаѣ я обратилъ-бы вниманіе такого лѣнивца. на неразумную тварь, которая трудится для своего пропитанія, неся въ то же время службу человѣку.

Лѣнивецъ! не случилось-ли тебѣ бывать въ полѣ, гдѣ ты могъ видѣть тяжелый трудъ крестьянина и слышать беззаботную, услаждающую трудъ земледѣльца, пѣсенку пѣвуны — птички? Но и она не все время поетъ, и у нея есть свой трудъ. Вотъ, она спустилась на землю и роется въ ней, ища пищу своимъ птенцамъ и въ то же время истребляя вредныхъ для нивы труженника — земледѣльца насѣкомыхъ. Она трудится, т. обр.; и для себя и для человѣка, охраняя потомъ политую его полосыньку. Не случилось-ли тебѣ, лѣнивецъ, бывая въ полѣ, видѣть жизнь труженника муравья? Казалось-бы, что онъ трудится только для себя, а между тѣмъ и онъ отлагаетъ вещества, имѣющія лѣкарственное свойство.

Наконецъ, не заглядывалъ-ли ты когда-нибудь на пасѣку пчеловода и не видѣлъ-ли ты, въ какихъ хлопотахъ и трудахъ протекаетъ жизнь слабой, а въ то же время неугомонной пчелки и въ красную весну и въ красное лѣто? Не даромъ еще ветхозавѣтный мудрецъ обращалъ вниманіе лѣнивца на этихъ неразумныхъ тварей. „Лѣнивецъ, говорилъ онъ, иди къ муравью и поревнуй (т. е. постарайся), видя его трудовую жизнь, быть мудрѣйшимъ его; онъ, муравей, не имѣетъ надъ собою ни приставниковъ, ни владыкъ, но трудится“... Иди къ пчелѣ и узнай, какая она труженица; сколь славенъ ея трудъ: ея трудами пользуются и цари и простецы для своего здоровья; пусть она слаба силою, но почтена мудростію“ (Притч. VI, 6 — 8).

Сколь, спрошу, разумнѣе человѣкъ птички, муравья и пчелы, нелѣпною трудящихся для собствен-

наго пропитанія, пользы человѣка и славы своего Творца? Трудится все живое и живущее на землѣ, только человѣкъ часто не доцѣниваетъ трудъ и избѣгаетъ его. Между тѣмъ, (не назовите натяжкою съ моей стороны), не бездѣйствуютъ даже и слѣпныя силы природы, служа вмѣстѣ со всею неразумною тварью пользѣ человѣка. И человѣкъ, если онъ мыслящій, осознавъ этотъ міровой трудовой круговоротъ, и при тяжести труда найдетъ для себя опору, утѣшеніе и пріятность. Малоизвѣстный поэтъ-земледѣлецъ Гервасій Ефремовичъ Псальмовъ такъ ярко и благсзвучно представилъ этотъ общій трудъ человѣка, неразумной твари и природы въ своей незатѣйливой „Пѣсни косаря“.

Ему, Псальмову, отраденъ и легокъ былъ нелегкій трудъ пахаря только потому, что

„То солнце ясное пригрѣтъ,
То вѣтерокъ густой повѣтъ,
Волнуя моремъ нивы хлѣба;
А въ сводѣ голубого неба
Пѣвуны пташечки парятъ,
„Богъ въ помощь, пахарь! говорятъ“ *).

Если же трудъ всюду, даже въ царствѣ неразумной твари, если и въ царствѣ слѣпой природы нѣтъ застоя и бездѣятельности, то сколь зазорно для человѣка, гордаго въ собственномъ сознаніи, избѣгать труда, не любить его!

Юные мои друзья! Вы, какъ пчелки, слетѣлись въ свой улей, родную вамъ гимназію. Слетѣлись не случайно и не даромъ, а чтобы начать свою трудовую учебную жизнь. Трудитесь же нелѣнностно, пріобрѣтайте, какъ пчелки собираютъ съ ароматныхъ цвѣтовъ сладкіе соки, пріобрѣтайте нужныя и полезныя знанія, чтобы въ свое время, когда придете въ возрастъ совершенный, вы могли явиться добрыми тружениками Создателю во славу родителей на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу.

*) Журн. „Жизнь для всѣхъ“ Май — Іюнь. 1914 г. №6. 5—6; стр. 806.

А теперь, слѣдуя и свято почитая долгъ христіанскій, обратимся къ Подателю всѣхъ благъ и Источнику истиннаго свѣта—Господу, да укрѣпитъ Онъ всѣхъ насъ въ предстоящей учебной работѣ, да ниспошлетъ на наши нелѣзные труды свое отеческое благословеніе.

Рѣчь въ столѣтній юбилей М. Ю. Лермонтова*).

Сегодня исполняется сто лѣтъ со дня рожденія великаго нашего поэта Мих. Юр. Лермонтова. Пройдутъ еще столѣтїя, одни поколѣнія уступятъ свое мѣсто другимъ, чудную-же лиру М. Юрьевича съ ея отличительнымъ скорбнымъ аккордомъ не забудетъ ни русское общество, ни учащаяся русская молодежь, ни русскій народъ. Всѣ зачарованные поэтическою прелестію его стиховъ, идейностью и глубиною ихъ содержанія, будутъ воспитываться въ человѣка съ благородной и возвышенной душой.

Поэтическій талантъ М. Юр. слишкомъ великъ, и сдѣлать надлежащую оцѣнку его таланта намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, не подъ силу. Для насъ достаточно и одного отзыва о поэзіи М. Юр., отзыва корифея и цѣнителя литературныхъ произведеній, извѣстнаго русскаго критика Бѣлинскаго, чтобы признать величіе таланта нашего поэта. Послѣдній о поэзіи Лермонтова въ свое время отзывался такъ:

„Свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе поэзіи идей, необъятность содержанія—суть родовыя и характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго развитія.“**)

Дѣйствительно, къ отзыву Бѣлинскаго о поэзіи М. Юр. ничего не прибавишь, ни умалишь, развѣ только не умолчишь о томъ, что „въ русской литературѣ

*) 3 октября 1914 г

**) „Избранныя сочиненія.“ В. Бѣлинскаго. Подъ редакціей В. В. Сиповскаго. СПб. 1910 г., стр. 154.

нѣтъ религіозныхъ мелодій плѣнительнѣе Лермонтовскихъ“ (Семеновъ). А эта черта въ поэзіи М. Юр. не можетъ быть игнорирована нами, призванными на поприще христіанскаго учительства; и намъ посему хотѣлось-бы остановиться на поэзіи М. Юрьевича постольку, поскольку онъ на струнахъ своей лиры высказался по вопросамъ религіозной вѣры. Существуетъ взглядъ, по которому М. Юр. былъ человѣкомъ безрелигіознымъ, невѣрующимъ. Сторонники этого взгляда обыкновенно основываютъ свое мнѣніе на тѣхъ произведеніяхъ поэта, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ Гёте и Байрона, въ юношескій періодъ своей литературной дѣятельности является проповѣдникомъ разочарованія жизни и пѣвцомъ, идеализирующимъ злое демоническое начало. Вѣрно. Въ ранній періодъ своего творчества М. Юр. какъ будто является, въ лицѣ своихъ героевъ, въ роли богоборца. Но какой счастливецъ уходилъ изъ жизни, не познавъ ея ломки, ея ударовъ? М. Юр. такимъ счастливцемъ не былъ. Вся жизнь, его, какъ онъ сошелъ съ колѣнъ горячолубившей его матери, исполнена была горькихъ думъ и тяжелыхъ переживаній. Ему слишкомъ рано пришлось испытать семейную драму, которая и привела его къ Байрону. Русская мудрость говоритъ: „горе сближаетъ людей“, и страдальческая душа поэта нашла себѣ дружку въ разочарованномъ пѣвцѣ—Байронѣ. „Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки, и Байрона достигнуть я-бѣ хотѣлъ: у насъ одна душа, однѣ и тѣ-же муки“... Подъ вліяніемъ разочарованнаго пѣвца и нашъ поэтъ создаетъ героевъ, которые смѣютъ ставить вопросы Провидѣнію, въ отчаяніи роптать на Бога... Кистью Байрона Лермонтовъ нарисовалъ и демона въ его своеобразномъ величіи.

Но время—лучшее лекарство: прошла пора особенной тоски, страданій, увлеченій, и нашъ М. Юрьевичъ въ своемъ „Демонѣ“ уже не видитъ той прелести очаровательной скорби и новую оцѣнку, новый судъ произносить своему Демону. Онъ говоритъ:

Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:

То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.“

Поэтому мы утверждаемъ, что Лермонтовъ невѣромъ не былъ. Напротивъ, въ поэзіи М. Юр. мы найдемъ болѣе данныхъ для того, чтобы считать его человѣкомъ глубоковѣрующимъ, человѣкомъ чисто-русской религіозной души, ибо только тотъ можетъ говорить о сладости молитвы, кто опытно позналъ ея дѣйствіе, а М. Юр. о силѣ и дѣйствіи молитвы пѣлъ:

„Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...*)

Въ минуты трагическихъ переживаній, послѣ увлеченій, невольныхъ ошибокъ, религіозная душа М. Юр. стремилась къ горнему; его возвышенной душѣ, отрезвляемой жизненными ударами, были болѣе сродны звуки небесъ, а „не скучныя пѣсни земли.“ И онъ бѣжитъ отъ этихъ скучныхъ пѣсенъ земли, находя успокоеніе въ молитвѣ къ Богу и „теплой Заступницѣ міра холоднаго!“

А сколь чутка была религіозная совѣсть поэта?

Находясь въ обществѣ, гдѣ царить безпринципность, пустота, отсутствіе высшихъ интересовъ, благородныхъ стремленій, поэтъ анализируетъ себя, дѣлаетъ надъ собою самооцѣнку и признаетъ себя виновнымъ предъ щедрымъ дателемъ Богомъ въ томъ, что „часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ“ **) онъ Бога не поетъ. Вотъ, истинная черта русскаго человѣка—смиреніе и сознаніе своей виновности предъ Богомъ! Поэтъ сознаетъ, что онъ не возвращаетъ Богу данный ему талантъ, что расточаетъ силы на служеніе земнымъ страстямъ.

*) Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изд. Скабичевского 1913 г. стр. 446.

**) Тамъ-же; стр. 327.

„Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильной
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродить
Мой умъ далеко отъ тебя... (стих. „Молитва“)*)

Но не только въ поэзіи, но и въ жизни М. Юр. проявлялъ свою религіозность и любовь къ правдѣ божіей. Такъ, въ своемъ показаніи, по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина М. Юр. твердо заявилъ: „Правда всегда была моей святыней—и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ ней, какъ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ царя и лицомъ Божіимъ“ **) Сказать эти слова, конечно, могъ при такихъ обстоятельствахъ только чело-
вѣкъ религіозной вѣры.

Итакъ, М. Юр. былъ челоѣкомъ чистой, русской благородной и вѣрующей христіанской души. Но ему не суждено было умереть похристіански. Онъ, какъ сынъ вѣка, заплатилъ дорогую дань тогдашнему предрасудку, ложнымъ представленіемъ о чести. Онъ умеръ на дуэли. Если ранѣе дважды М. Юр. выступалъ на дуэль, чтобы въ одно и то же время соблюсти требованія общества и намѣренно выпустить пулю на воздухъ, то теперь долженъ былъ грудью встрѣтить пулю своего противника и на вѣки попрощаться съ жизнію. Такъ рано, не успѣвши раскрыть всю мощь своего поэтического дарованія, умеръ М. Юр. Къ сожалѣнію, сбылись его слова, пророческія слова пятнадцатилѣтняго мальчика:

„Я рано началъ, кончу рано,
Мой умъ немного совершить:
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.“ ***)

*) Тамъ же; стр. 327.

**) Тамъ же; стр. 954.

***) Тамъ же. См. біограф. очеркъ. А. М. Скабичевского, стр. 64).

Уже болѣе чѣмъ полсто лѣтъ минуло со дня смерти поэта, но аккордъ его лиры рыдаетъ и скорбнымъ чувствомъ отдается въ людяхъ съ душою, надломленною отъ жизненной неправды, пошлости людей и мелкихъ эгоистическихъ мѣщанскихъ интересовъ. О! многимъ на Руси близка и сродна эта пѣсня, пѣсня скорбной лиры Михаила Юрьевича! Но близка она сердцу русскаго человѣка и по своимъ глубокимъ религіознымъ мотивамъ... Дорогая, школьная семья!

Пусть-же благодарною памятью отъ насъ великому поэту М. Юр. будетъ ничто иное, а вѣнокъ изъ горячихъ молитвъ объ упокоеніи его души въ мѣстѣ свѣта, любви и правды, которыя такъ сродны были его душѣ здѣсь на землѣ, въ юдоли скорби и разочарованія.

Слово въ день гимназическаго храмоваго праздника.

Поздравляю тебя, родная школьная семья, поздравляю съ храмовымъ праздникомъ и молитвенно призываю на учебные труды твои Божіе благословеніе ходатайствомъ и заступленіемъ молитвенниковъ и покровителей нашихъ—св. трехъ святителей Василия Вел., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго!

Издавна св. Русь православная, вѣрная завѣтамъ древне-вселенской Церкви, почитая праздники христіанскіе, особенно отмѣчаетъ дни памяти тѣхъ событій изъ жизни Спасителя нашего, или пресв. Богородицы, или свят. Божіихъ людей, въ честь и славу которыхъ она воздвигаетъ свои храмы Божіи; она отмѣчаетъ эти дни, дни своихъ храмовыхъ праздниковъ, церковнымъ духовнымъ торжествомъ, благолѣпнымъ богослуженіемъ, украшеніемъ храма, освященіемъ домовъ св. водою.

Загляните въ деревню нашей сермяжной и св. Руси въ день престольнаго или храмоваго праздника и вы увидите, какъ преобразился и убогій храмъ, и жалкая хижина бѣдняка! Среди бѣдности и убожества, среди простоты и незатѣйливаго вкуса, въ этотъ день вы увидите на всемъ печать заботливой руки—принарядить, приукрасить, чтобы видимымъ образомъ выразить свое внутреннее св. чувство благоговѣнія предъ памятью воспоминаемыхъ священныхъ событій или св. лицъ.

Правда, есть по мѣстамъ и отрицательныя стороны въ провозженіи храмовыхъ праздниковъ, но мы вѣримъ, что недалеко то время, когда наша родная Русь

*)²⁹/1—1915 г.

православная, могучая въ своей массѣ духовъ религиозной вѣры, станетъ страной истинно христіански-просвѣщенной, страхнетъ съ себя пороки языческаго наслѣдія — грѣховное праздничное веселье, откажется отъ пьянаго угара, въ значительной мѣрѣ живущаго на счетъ невѣжества. Мы вѣримъ, что Русь православная не измѣнитъ обычая древнихъ христіанъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ въ своихъ твореніяхъ чтимые нами сегодня св. святители, и будетъ прославлять Владыку всѣхъ, дивнаго во святыхъ своихъ, отмѣчая дни памяти ихъ только духовнымъ торжествомъ: священнымъ молитвеннымъ бдѣніемъ, приношеніемъ божественной безкровной жертвы, похвальнымъ словомъ, воспоминаніемъ свѣтло-христіанской жизни ихъ.

Каково-же намъ, други, стоящимъ у источника образованія и христіанскаго просвѣщенія и живущимъ однимъ духовъ вѣры съ роднымъ народомъ, причастствуетъ и подобаетъ почтить день памяти нашихъ молитвенниковъ и покровителей храма нашего? Какимъ духовнымъ, священнымъ торжествомъ мы отмѣтимъ сегодняшній день, день храмоваго нашего праздника?

Вчера мы были участниками молитвеннаго бдѣнія, сегодня явились участниками приношенія безкровной жертвы и жертвы хвалы и благодаренія Богу, но не почтимъ-ли нашихъ великихъ угодниковъ Божиихъ—св. Василія Вел., Григорія Бог. и Іоанна Златоустаго похвальнымъ словомъ о пресвѣтлыхъ добродѣтеляхъ ихъ, не изслѣдуемъ-ли безсмертныхъ сочиненій ихъ? Но какъ въ своемъ скромномъ словѣ опишемъ жизнь ихъ? Какъ восхвалимъ неискуснымъ словомъ добродѣтели ихъ: любовь къ Богу и ближнему, кротость и смиренномудріе, духъ молитвы и высшее озареніе?

Имена чтимыхъ святыхъ—Василія Вел., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго это—имена великихъ церковныхъ свѣтилъ, блистающихъ яркимъ свѣтомъ своего ученія и жизни на духовномъ небѣ св. вселенской Церкви!

Изслѣдуемъ-ли писанія ихъ, чрезъ которыя льется свѣтъ ученія и жизни ихъ даже и до нашихъ дней?

Но какъ изслѣдовать ихъ при маломъ времени, когда только о писаніяхъ великаго Златоуста нужно сказать, что „никто кромѣ Бога не знаетъ, сколько всего написалъ Златоустъ“ (Свида). Однако и того, сколько дошло до насъ чрезъ 15 вѣковъ, вполне достаточно для изученія въ теченіе цѣлой жизни.

Посему мы, ограничивъ свое слово о святой ихъ жизни, не рѣшимся изслѣдовать и всю глубину писаній ихъ, въ которыхъ они уяснили все христіанское вѣро-и-нравоученіе, но изберемъ лишь одинъ вопросъ, современный и близкій намъ, который, однако, нашелъ для себя лучшее разрѣшеніе въ безсмертныхъ твореніяхъ свѣтилъ золотого христіанскаго вѣка.

Это вопросъ—о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на войну: есть-ли она зло, или только слѣдствіе зла? А можетъ быть война въ одно и то же время и зло, поскольку несетъ съ собою страданія человѣчеству, и слѣдствіе зла, поскольку является результатомъ нравственнаго несовершенства людей? Наконецъ, являясь зломъ и слѣдствіемъ зла, не служить-ли война въ рукахъ любвеобильнаго Бога орудіемъ благого промыслительнаго Его дѣйствія о заблуждающемся человѣчествѣ?

Но отвѣтить на эти вопросы мы можемъ не прежде, чѣмъ разсмотримъ, хотя и кратко, сужденія св. отцовъ о видахъ зла. Чувство святой любви къ чтимымъ нами въ сегодняшній день великимъ отцамъ церкви да поддержитъ, други, ваше вниманіе къ моему слову.

Св. Отцы посвятили многія страницы въ своихъ трудахъ вопросу о злѣ, его сущности и происхожденіи. Рѣшая вопросъ вообще о злѣ, они, т. сказать, попутно устанавливали и христіанскій взглядъ на войну.

Прежде всего, нужно замѣтить, они различали, кромѣ метафизическаго, двоякое зло: зло нравственное и зло физическое или, т. н, естественное. Подъ первымъ они разумѣли грѣхъ, какъ преслушаніе воли Божіей, какъ нарушеніе нравственнаго, природно-внутренняго

закона и закона ви́шняго, даннаго чрезъ Божественное
откровение.

Начало же грѣха они видѣли въ эгоистическомъ
стремленіи человѣка къ самоопредѣленію, слѣдствіемъ
котораго и являлось ослушаніе воли Божіей или грѣхъ.
Это зло нравственное. Оно не отъ Бога, (ибо Богъ есть
высочайшее добро, безпредѣльная любовь), а отъ самого
человѣка, какъ существа свободно-разумнаго. Поскольку
же зло есть ослушаніе воли Божіей и нарушеніе нормъ,
присущихъ духовной природѣ человѣка, постольку оно
является и причиною страданій человѣка.

Но вѣдь мы знаемъ, что человѣкъ страдаетъ не
только отъ грѣха, проистекающаго изъ его свободной
воли, но и отъ бѣдствій и всякаго рода несчастій, совер-
шенно независимыхъ отъ его личной воли, напримѣръ :
землетрясеній, новодненій, эпидемій и т. п.

Какъ смотрѣть на всѣ эти и подобныя имъ бѣд-
ствія, составляющія, такъ называемое, физическое зло, и
являющіяся не въ нарушеніе неизмѣнныхъ законовъ при-
роды?

Можно ли, разъ они доставляютъ людямъ страданія,
не считать ихъ зломъ?

Св. отцы положительно отвѣчали, что единственное
и дѣйствительное зло—грѣхъ, а всѣ бѣдствія и несчастія,
случающіяся въ природѣ и жизни человѣка могутъ быть
названы зломъ только примѣнительно къ пониманію
людей.

„Изъ всѣхъ золъ, говоритъ Святитель Златоустъ,
одинъ грѣхъ есть дѣйствительное зло“ („бес. о стат.“
V, т. II, стр 71), но мы привыкли называть зломъ не
только воровство и чувственность, но и несчастіе, то и
Богъ назвалъ такъ страданія, примѣняясь къ пониманію
людей („бес. о діав.“ I. т. IV, 279).

Но мы, други, и теперь, подобно христіанамъ вре-
мень св. Златоустаго проповѣдника, по недоразумѣнію
своему оцѣниваемъ все съ точки зрѣнія намъ пріятнаго,
а не съ точки зрѣнія полезнаго и намъ необходимаго.
Намъ посему въ страданіяхъ нашихъ всегда надлежитъ

помнить слова другого великаго христіанскаго учителя Василя Великаго, которыми онъ увѣщевалъ своихъ пасомыхъ воздерживаться отъ ропота на Бога во время постигшаго ихъ общественнаго бѣдствія.

„Не поступай, говорилъ онъ своимъ слушателямъ какъ несмысленныя дѣти, которыя бывъ наказаны учителемъ, рвутъ его книги, или раздирають одежду отца, когда онъ для ихъ-же пользы не даетъ на время имъ пищи...Кормчаго обнаруживаетъ буря, борца—поприще, военнаго человѣка—битва, великодушнаго—несчастія, христіанина—искушенія“ (Бес. 8, говор. во время засухи и голода, т. II, стр 144. изд. С.П.Б. 911 г.).

„Да не дивятся сему, говоритъ св. Григорій Бого-словъ, непостигающіе недомыслимой глубины Божіихъ распоряженій, по которымъ все совершается! Да не дивятся предоставляющіе міроуправленіе художнику, который, конечно, премудрѣ насъ, и твореніе свое ведетъ къ чему и какъ Ему угодно, безъ всякаго-же сомнѣнія—къ совершенству и уврачеванію, хотя врачуемые и огорчаются! „(Слово 4. Первое обличит. на царя Юліана“ т. I., стр. 82. СПб. 1911 г.).

Изъ данныхъ сужденій Св. Отцевъ объ общественныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ можно сдѣлать лишь одно заключеніе: „Не зло то, что становится виною нашихъ благъ. Какъ врачъ, преслѣдуя благую цѣль—спасеніе жизни своего паціента, оперируетъ надъ нимъ или даетъ ему горькія и непріятныя лѣкарства, такъ и Богъ—Высочайшая любовь пользуется бѣдствіями, какъ врачебными средствами, горькими для нравственно-больнаго человѣка, но для него-же необходимыми и спасительными.

Т. образомъ, всѣ общественныя бѣдствія и несчастія, а равно несчастія и отдѣльныхъ личностей, по ученію Св. Отцевъ, имѣють провиденціально-педагогическое значеніе.

Какъ-же смотрѣть намъ на войну? Не есть-ли она зло?

Вѣдь она несетъ съ собою косу смерти для моло-

дыхъ, цвѣтущихъ жизнію людей; она образуетъ море изъ горячихъ слезъ матерей, отцовъ, братьевъ и сестеръ; она лишаетъ неповинныхъ дѣтей слышанія теплаго и вразумительнаго слова отца; она родитъ вопль страданій отъ увѣчій и раненій, она уничтожаетъ безцѣнные духовныя сокровища человѣческаго генія, она ожесточаетъ нравы людей, она, говоритъ большинство людей, — зло! И ей не должно быть мѣста среди людей, какъ дѣтей одного любвеобильнаго Отца небеснаго!

Девятнадцать вѣковъ минуло, какъ была та чудная, никогда неповторяющаяся въ исторіи земного бытія, ночь, въ которую раздалась пѣснь небожителей о любви, о мирѣ на землѣ. Чтобы показать эту любовь, чтобы научить этой любви, побудить человѣка оставить вражду съ Богомъ, возстановить любовь, какъ законъ жизни людей, Самая Высочайшая любовь — Богъ сталъ человѣкомъ. Онъ жилъ среди людей, переносилъ тягости жизни и поношенія отъ неблагодарныхъ за Его любовь; всѣмъ проповѣдывалъ и примѣромъ жизни своей и смерти, крестной, показалъ людямъ любовь, дабы были, дабы царствовали въ нихъ любовь и миръ. Но нѣтъ любви, нѣтъ и мира на землѣ! Отчего же такъ? Да потому, что человѣчество еще не восприняло въ себя эту Божественную любовь, не осознало силу ея, не сдѣлало ее закономъ жизни, долженствующимъ соподчинить себѣ cadaго человѣка, все человѣчество и привести его къ Богу; да „будетъ Богъ всяческая и во всѣхъ“. Безъ любви къ Богу и ближнему не можетъ быть на землѣ христіанскаго совершенства, безъ совершенства же не можетъ быть и мира, который зиждется на законѣ любви, а не на законѣ животнаго эгоизма.

Съ этой точки зрѣнія войны въ исторіи человѣчества столь же неизбѣжное явленіе, какъ и всякое, т. наз., физическое зло; но не необходимое Поэтому и Самъ Божественный учитель нашъ Иисусъ Христосъ говорилъ: „Когда услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ не ужасайтесь, ибо надлежитъ сему быть“. (Матѣ. 13. 7). Итакъ, причиною войнъ является не Богъ, но человѣче-

ское несовершенство, свободное уклоненіе людей отъ закона истинной жизни любви къ Богу и ближнему, отъ закона Богочеловѣка Христа; и пока люди не осознають этотъ вѣчный законъ Богочеловѣческой жизни, дотолѣ и войны будутъ, какъ неизбѣжное зло.

Но являясь зломъ, не вносить-ли война дисгармонію въ тотъ идеально—совершенный міро-порядокъ, который долженъ быть по идеѣ Творца, вызвавшего всякое бытіе, и бытіе всякаго народа и всякаго царства съ опредѣленнымъ назначеніемъ, (Дѣян. XVII, 26—28) соотвѣтствующимъ ихъ природнымъ особенностямъ? Безусловно, война вноситъ дисгармонію въ порядокъ земного бытія, но Всемогущій благой и праведный міро-правитель и самое зло, какое было на протяженіи всей міровой исторіи, обращаетъ въ орудіе для проявленія своей любви и правды и ведетъ міръ къ выполненію даннаго ему назначенія. Тѣмъ-же зломъ, какое по своему несовершенству, создаютъ люди, Онъ произноситъ судъ и опредѣляетъ судьбу народовъ и царствъ, ведя однихъ къ паденію, другихъ къ возстанію, однихъ разумляя и пресѣкая зло, а другихъ предостерегая и утверждая въ добрѣ. Такъ руководитъ промыслительная десница любвеобильнаго Міроправителя историческими судьбами человѣчества! „Если зломъ ты назовешь, говоритъ Св. Василій Великій, трудности, сопровождающія воюющихъ, дальніе походы, труды, бдѣнія, безпокойство, пролитіе пота, раны, убійство, взятіе городовъ, порабощенія, отведеніе въ плѣнъ, жалкій видъ плѣнныхъ и вообще всѣ скорбныя послѣдствія войнъ, то утверждаю, что это бываетъ по праведному суду Божию; Богъ въ войнахъ насылаетъ казни на достойныхъ наказанія“ (бес. 9. „О томъ, что Богъ не виновникъ зла“. т. II, стр. 152). Итакъ, Богъ, по мысли Св. отца, и войны обращаетъ, какъ любящій отецъ, въ воспитательное средство; показуя неправеднымъ высшую Свою правду.

И настоящая война—не судъ-ли міру? Не судъ-ли врагамъ нашимъ, носителямъ матеріальной культуры

глашатаямъ вооруженнаго мира? Германскій милитаризмъ въ теченіе полувѣка лилеялъ мечту о порабоженіи другихъ народовъ и прежде всего обратилъ бряцаніе своего оружія на слабыя семьи славянскаго міра. Гордая носительница европейской культуры, поставившая своимъ девизомъ: „Германія все и всѣ для нея“, обратила успѣхи науки и техники лишь для ужасовъ насилія, разрушенія, уничтоженія духовныхъ пріобрѣтеній, нажитыхъ вѣками. Культура, такимъ образомъ, явилась не орудіемъ добра, не средствомъ уменьшенія людскаго горя и слезъ, а орудіемъ служенія своему животному эгоистическому „я“.

Наступилъ часъ Божія суда для отрезвленія нашего врага, неразумно опьяненнаго плодами культуры, для насъ—же-русскихъ—часъ Божія предостереженія. Мы не искали войны, но были виновны предъ Богомъ и нуждались въ нравственномъ пробужденіи.

На самомъ дѣлѣ, не были-ли мы зачарованы „за-границей“, зачарованы силою и блескомъ европейской культуры? Какою высшею самоцѣнностью объявили мы ту культуру, которая стремилась на сграданіяхъ однихъ создать свое благополучіе, устроить на землѣ блаженство безъ Бога? Невыразимой болью отозвался печальный звукъ воинской трубы въ сердца русскаго народа, но эта-же боль открыла глаза намъ, и мы подлинно увидѣли, что культура еще не все, что она цѣнна не сама по себѣ, а поскольку служитъ культурѣ духа, заключающейся въ христіанскомъ совершенствѣ.

Мы теперь опознали, что нами забыты историческіе устои своей родины: вѣра православная, истинная любовь къ родинѣ и царю, какъ носителю особой славяно-русской культуры, мощной силою христіанскихъ началъ.

Мы теперь заговорили о религіозной вѣрѣ православной, а не такъ давно мы равнодушно смотрѣли, какъ въ центрѣ православной Руси строились языческія капища?

Воспѣвая гимны Европейской школѣ, мы забыли

завѣты лучшихъ русскихъ педагоговъ и начали кроить свою среднюю школу, воспитывающую соль будущаго русскаго общества, кроить на манеръ школъ Западно-Европейскихъ. Мы съ легкимъ сердцемъ смотрѣли на оканчивающихъ нашу среднюю школу молодыхъ людей, не знавшихъ, какъ слѣдуетъ, русскаго языка и его исторіи, но мы не могли мириться съ тѣмъ, чтобы русскому юношеству не знать языковъ иностранныхъ. Было время, когда основу истиннаго воспитанія Законъ Божій мы готовы были низвести на степень необязательнаго для средней школы предмета или замѣнить его лекціями о „человѣческой морали“, число же этихъ моральныхъ ученій могло быть равнымъ числу школъ или числу ея учителей. Намъ нравилось не только „все заграничное“, но, кажется, даже и самыя, слова „тамъ—заграницей“—Мы играли ими, чтобы не показаться отсталыми, ретроградами... Да, мы—русскіе мало любили родное—русское; мы—русскіе не замѣчали природныхъ красотъ Урала и Кавказа, Алтая и Байкала; не знали ихъ природныхъ богатствъ и отдавали сундуки народнаго достоянія для эксплуатаціи чужеземцамъ. Но это, конечно, не главное, а главное въ томъ, что мы отдали въ плѣнъ свою душу русскую, вѣрующую, изстари стремящуюся жить по Божьи, почти погасили свою родную, русскую культуру духа и отдали въ плѣнъ культурѣ Западно-Европейской.

Еще въ прошломъ столѣтіи честные проповѣдники славянской культуры—наши славянофилы: Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, братья Аксаковы и Кирѣевскіе, въ противовѣсъ представителямъ германской культуры Гегелю и Шеллингу, какъ честные патріоты и высоко-идеальной настроенности сыны православной вѣры, звали русскихъ людей оставить подражать односторонней западной культурѣ. Россіи, какъ мощному орлу, покрывающему своими крыльями славянскія семьи, должна была, по ихъ взгляду, принадлежать своя культура, свои историческія задачи, своя міровая миссія, но... честные проповѣдники слова правды были осмѣяны.

Теперь только мы вспомнили ихъ патріотическія

чувства, увидѣли начало осуществленія ихъ желаній; мы теперь только на порогѣ новой, идейной, христіанской, русской жизни. Такъ спала пелена съ глазъ нашихъ, накинута красотою Западно-Европейской культуры! Такъ предостерегъ Божій судъ наше увлеченіе чужими и въ то же время нравственно-дешевыми цѣнностями!

Знайте, други, что Благой и праведный, Всемогушій и Премудрый Владыка міра управляетъ исторіею чело-вѣчества, Онъ-же создаетъ и судьбу народа русскаго, дабы явиться ему свѣточемъ любви и правды для прочихъ народовъ земли.

Вся минувшая отечественная исторія подтверждаетъ наше положеніе о промыслительномъ воспитаніи русскаго народа. Вспомните хотя-бы монгольское иго. Историки ничего въ немъ не найдутъ, кромѣ зла, продолжающаго сказываться въ жизни и теперь. „А между тѣмъ, стоитъ только взглянуть на это бѣдствіе съ другой, высшей точки зрѣнія, и все окажется въ иномъ свѣтѣ: тяжкое бѣдствіе окажется любящимъ наказаніемъ, принесшимъ чудесно добрые и великіе плоды. Въ самомъ дѣлѣ, монгольское нашествіе застало русскій народъ въ тотъ самый моментъ, когда славянская рознь довела его до наиболѣе пагубнаго политическаго разединенія, когда княжества истощали другъ друга въ нескончаемыхъ междоусобицахъ и когда начались уже опасныя попытки вмѣшивать иноземцевъ въ свои внутреннія дѣла. Ясно, къ чему могло-бы привести это. Инославный западъ не преминулъ бы наложить свою руку на обезсиленные взаимной враждой княжества, а за этимъ неминуемо послѣдовало-бы духовное рабство, которому и подверглись западные славяне. Тогда, несомнѣнно, гораздо лучше было отдать въ рабство свое тѣло, чтобы спасти душу, и въ такое рабство русскій народъ былъ подвергнутъ“. Тяжко было испытаніе народа: съ ужасомъ повѣствуютъ о немъ лѣтописцы, но „подъ тяжкимъ испытаніемъ рознь прекратилась, Русь начала собираться, нашла устойчивый центръ тяжести въ Москвѣ, и, все болѣе и болѣе стягивая къ этому центру

свои народныя силы, она выросла въ могучее государство "... Россія стала именно тѣмъ, чѣмъ должна быть, т. е., могущественною хранительницею вселенской правды христіанства" ... (См. брош. А. П. Лопухина. „Промысль Божій въ исторіи человѣчества“).

Таковы Божіи пути, которыми Любвеобильный Отецъ Небесный ведетъ русскій народъ и благоустраиваетъ судьбы всего человѣчества!

Однако, своимъ пространнымъ словомъ я утомилъ, други, ваше вниманіе; но сіе утомленіе да будетъ для всѣхъ насъ спасительнымъ, ибо мы прочтеніемъ и одной малой страницы изъ великихъ писаній чтимыхъ нами св. отцевъ достойно званія и положенія нашего дополнили свое духовное торжество дня-памяти нашихъ св. молитвенниковъ, нашихъ совершеннѣйшихъ учителей вѣры и жизни, покровителей св. храма нашего, а въ то же время при свѣтѣ ихъ ученія разрѣшили смущающій умы многихъ и злободневный вопросъ о войнѣ. Мы те перь будемъ знать, что война, если она зло то зло не отъ Бога, а отъ несовершенства людей, подмѣняющихъ своевольно истинный законъ жизни — „любовь“ закономъ эгоизма, Богъ же, какъ безпредѣльная любовь и правда, обращаетъ это зло въ орудіе своего промыслительнаго дѣйствія, неуклонно направленнаго къ воспитанію человѣчества. Поэтому будемъ смотрѣть и на настоящую войну глазами вѣрующей души и примемъ бремя военныхъ тягостей, какъ долгъ, какъ Божіе предостереженіе отъ увлеченія тѣмъ, что служить не къ миру съ Богомъ, а къ богоборенію. Аминь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1) Рѣчь при открытіи Томской II мужской гимназіи. (Задачи средней школы и пастырское наставленіе дѣтямъ предъ началомъ ученія)	3
2) Рѣчь въ день празднованія 1600-лѣтія со дня изданія Императоромъ Константиномъ Вели- кимъ эдикта 313 г. (Значеніе эдикта 313 г. въ исторіи церкви Христовой) . . .	7
3) Слово въ день освященія гимназическаго храма. (Воспитательное значеніе храма и храмоваго богослу- женія)	12
4) Рѣчь предъ началомъ ученія. (Трудъ и трудолюбіе)	22
5) Рѣчь въ столѣтній юбилей М. Ю. Лермонтова. (Лирика поэта и ея религіозныя мелодіи)	28
6) Слово въ день храмоваго гимназическаго празд- ника. (Христіанское, при свѣтѣ разума св. Василия Вел., Григо- рія Богослова и Іоанна Златоустаго, ученіе о войнѣ)	33

ОПЛАЧЕНИЕ

1	Платеж за открытие Томской II мужской гимназии (содержание ссуды и востановление востановленного здания) (содержание ссуды и востановление востановленного здания)
2	Платеж за день празднования 1000-летия со дня рождения Императора Константина Васильевича в день 21-го т. востановления востановленного здания
3	Платеж за день освящения гимназического храма (содержание ссуды и востановление востановленного здания)
4	Платеж за день освящения гимназического храма (содержание ссуды и востановление востановленного здания)
5	Платеж за столетний юбилей М. Ю. Лермонтова (содержание ссуды и востановление востановленного здания)
6	Платеж за день празднования 1000-летия со дня рождения Императора Константина Васильевича (содержание ссуды и востановление востановленного здания)

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. **Замѣчанія къ проекту учрежденія Томской духовной академіи.** (Отд. отт. „С. Пр.“). Томскъ. 1914 г., цѣна 10 коп.
2. **Реформа прихода.** Историко-каноническое изслѣдованіе о православномъ русскомъ приходѣ въ связи съ предложенною реорганизаціею его на древне-русскихъ началахъ. Томскъ. 1914 г., цѣна 1 руб.

Изъ отзывовъ о книгѣ.

..... Нельзя не признать за книгой важнаго публицистическаго, современно-практическаго значенія. Черезъ всю книгу проходитъ одна прогрессивная мысль: необходима реформа прихода. Но на каждомъ шагу эта мысль умѣряется другою, консервативною мыслию: но реформа эта должна производиться безъ увлеченій и крайностей, чтобы и въ практическомъ отношеніи вмѣсто улучшенія не получилось ухудшенія. Но что особенно отличаетъ книгу это—каноническій интересъ автора. При проведеніи реформы нужно на первомъ мѣстѣ ставить не органическія, а *каноническія нормы*. Какъ-бы ни была въ житейскомъ отношеніи удобна та или иная организація прихода, она неприемлема, разъ при ней нарушена каноническая зависимость отъ него...

Можно надѣяться, что собратья автора по сану, подобно ему, почувствуютъ, говоря словами автора, „особенную близость вопроса къ нимъ, призваннымъ Присмысломъ Божиимъ трудиться на церковно-приходской нивѣ“, и отнесутся къ серьезному труду съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ.

А. П.—вѣ.

(„Богословск. библіогр. Листокъ“, вып. 2-й и 3-й 1914 г.).
Прил. къ журн. „Руководство для сельскихъ пастырей“

..... За книгой о. Иванова нельзя не признать важнаго публицистическаго, современно-практическаго значенія. Черезъ всю книгу проходитъ одна прогрессивная мысль о необходимости реформы прихода, но реформа эта, по мнѣнію автора: должна производиться безъ увлеченій и крайностей. Крупными достоинствами книги о. Иванова являются: большое знакомство автора съ литературой по приходскому вопросу, ясность и послѣдовательность мысли, основательность и убѣдительноотъ сужденій, мѣткость возраженій, живой и выразительный языкъ. Авторъ не ограничивается сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя извѣстны въ литературѣ, но часто дополняетъ ихъ своими личными наблюденіями, очень вѣрными и практически цѣнными, что объясняется, очевидно, тѣмъ, что авторъ довольно значительное время проходилъ пастырскую дѣятельность сначала въ сельскомъ приходѣ, а потомъ въ городѣ.

Книга напечатана на хорошей, плотной бумагѣ, сброшюрована прочно. Цѣна (1 руб.) должна быть признана скромной.

Свящ. К. Пр.—вѣ.

(„Оренб. Епарх. Вѣдом.“, 1914 г.)

Складъ изданій: Томскъ, 2-я мужская гимназія, у автора. Можно также пріобрѣтать въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина (г. Томскъ, Благовѣщенскій пер., № 4) и И. Л. Тузова (Петроградъ, Гост. дв., 45).